

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА НА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

А.Г. Казанин

Московский филиал Морской арктической геологоразведочной экспедиции, Москва, Россия
e-mail: kazaning@mage.ru

Аннотация. Новая редакция Государственной программы по развитию Арктической зоны РФ ставит перед субъектами, входящими в эту зону, задачу по разработке и реализации собственных программ, направленных на решение задач федеральной арктической политики в данном субъекте; и строго увязанных с приоритетами федеральной стратегической документации. Это делает анализ соответствия целей, задач и мероприятий арктической политики на двух уровнях весьма актуальной исследовательской задачей.

Цель статьи состоит в выявлении несоответствий в арктической политике на федеральном и региональном уровнях на примере сопоставления стратегического видения развития нефтегазового сектора на арктических территориях Красноярского края. Основным **подходом** является сопоставление нормативно-правовой документации, регламентирующей федеральную арктическую политику, и региональных стратегий развития Красноярского края в части видения развития нефтегазового сектора на арктических территориях края. Соответственно, основным **методом** является сопоставительный анализ такой документации в указанной части, а также сопоставительный анализ эволюции приоритетов развития нефтегазового сектора в прошлых региональных стратегиях края.

Основные результаты. В отношении развития арктического нефтегазового сектора текущая Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года является достаточно сбалансированной и учитывает основные приоритеты арктической политики России на ее современном этапе. Здесь уделяется внимание разработке действующих месторождений, намечено следующее «поколение» месторождений для разработки. Присутствуют задачи по разведке и формированию промышленных запасов на арктическом континентальном шельфе. Определенное беспокойство вызывает лишь отсутствие каких-либо целевых индикаторов, связанных с развитием нефтегазового сектора. Впервые ставится и решается задача выявления эволюции приоритетов развития нефтегазового сектора на арктических территориях Красноярского края в последовательно сменявшихся друг друга региональных стратегиях, а также степени соответствия приоритетов федеральной и региональной политики в этом вопросе.

Проданный анализ может быть использован для устранения недостатков Стратегии развития края путем дополнения ее перечнем целевых показателей и расчетом их целевых значений к 2030 году при различных вариантах (сценариях) развития края. Стратегия также сильно выиграет в плане практической реализации, если будет дополнена перечнем мероприятий, соответствующим целевым индикаторам, либо «дорожной картой». Определенно видна необходимость усиления координации соответствующих региональных органов с крупнейшими нефтегазодобывающими компаниями, действующими на территории края.

Ключевые слова: Красноярский край, добыча нефти, добыча газа, Ванкорское месторождение, Ванкорская группа месторождений, Таймырская нефтегазовая область, Восточно-Таймырский нефтегазовый блок, стратегия развития, стратегия развития региона.

Для цитирования: Казанин А. Г. Стратегические подходы к развитию нефтегазового комплекса на арктических территориях Красноярского края // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 5. – С. 67-77. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-5-67.

STRATEGIC APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF THE OIL AND GAS COMPLEX IN THE ARCTIC TERRITORIES OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

A.G. Kazanin

Moscow branch of the Arctic Marine Exploration Expedition, Moscow, Russia
e-mail: kazaning@mage.ru

Abstract. The new version of the State program for the development of the Arctic zone of the Russian Federation sets the task for the subjects included in this zone to develop and implement their own programs aimed at solving

the problems of the Federal Arctic policy in this subject; and strictly linked to the priorities of the Federal strategic documentation. This makes the analysis of the compliance of the goals, objectives and activities of the Arctic policy at two levels a very relevant research task.

The purpose of the article is to identify inconsistencies in the Arctic policy at the Federal and regional levels by comparing the strategic vision of the oil and gas sector in the Arctic territories of the Krasnoyarsk territory. The main **approach** is to compare the regulatory documents regulating the Federal Arctic policy and regional development strategies of the Krasnoyarsk territory in terms of the vision of the oil and gas sector in the Arctic territories of the region. Accordingly, the main **method** is a comparative analysis of such documentation in this part, as well as a comparative analysis of the evolution of the priorities of the oil and gas sector in the past regional strategies of the region.

Main results. With regard to the development of the Arctic oil and gas sector, the current Strategy of social and economic development of the Krasnoyarsk territory until 2030 is quite balanced and takes into account the main priorities of Russia's Arctic policy at its present stage. Here attention is paid to the development of existing fields, the next "generation" of fields for development is planned. There are tasks on exploration and formation of industrial reserves on the Arctic continental shelf. Some concern is only the lack of any target indicators related to the development of the oil and gas sector. For the first time, the task of identifying the evolution of priorities for the development of the oil and gas sector in the Arctic territories of the Krasnoyarsk territory in successive regional strategies, as well as the degree of compliance with the priorities of Federal and regional policy in this matter, is set and solved.

The analysis can be used to eliminate the short comings of the development Strategy of the region by supplementing it with a list of targets and the calculation of their target values by 2030 under various options (scenarios) of the region's development. The strategy also plays a strong role in terms of practical implementation, if it is supplemented by a list of activities corresponding to the target indicators or a «road map». There is clearly a need to strengthen the coordination of the relevant regional bodies with the largest oil and gas companies operating in the territory of the region.

Keywords: Krasnoyarsk region, oil production, gas production, Vankor field, Vankor Group of fields, Taimyr oil and gas region, East Taimyr oil and gas block, development strategy, development strategy of the region.

Cite as: Kazanin A.G. (2019) [Strategic approaches to the development of the oil and gas complex in the Arctic territories of the Krasnoyarsk territory]. *Intellekt. Innovatsi. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 5, pp. 67-77. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-5-67.

Введение

Многочисленные (в том числе междисциплинарные) исследования развития различных регионов уделяют основное внимание не столько «заданной» природе регионов, сколько сложным социально-экономическим и политическим конструктам, воздвигаемым человеческим обществом в этих заданных условиях (и нередко видоизменяющим эти условия) [4, 14–25]. Нам представляется, что применение такого подхода к исследованию арктического региона способно принести заслуживающие внимания научные результаты. На протяжении последних десятилетий XX века (приблизительно с 1970-х гг.) и начала XXI века область планеты, рассматриваемая как арктический регион, постепенно увеличивалась по мере того, как расширялись рамки предыдущих географических и тематических концепций Арктики.

В последние годы наблюдалась существенная активизация интереса со стороны международного сообщества, притом не только собственно арктических государств, но и других стран мира, продвигающих идею, что Арктика и ее ресурсы являются достоянием всего человечества. Подобный интерес в значительной степени связан с обнаружением в Арктике весьма значительных по мировым

меркам ресурсов нефти и газа. Специфика географического распределения данных ресурсов по месторождениям, находящимся на арктических территориях, а также в акваториях арктических морей и Северного Ледовитого океана, а также различная степень их доступности для процессов добычи, может оказать определенное влияние на изменения ландшафта мирового нефтегазового сектора (пусть не в ближайшей, но среднесрочной и долгосрочной перспективе), особенно это касается рынка природного газа. Согласно расчетам, в 2007 году Арктика производила примерно 10% мировой нефтедобычи и 25% мировой газодобычи; из этих объемов примерно 80% нефти и 99% газа добывались в российской Арктике. Однако и в других частях Арктики остаются значительные неразведанные запасы, а также разведанные запасы, добыча которых на данный момент еще не ведется¹.

Первостепенной задачей при изучении арктического региона является четкое определение перечня территорий, относящихся к этому региону. К примеру, еще в 2010 году О.О. Смирнова и В.Ю. Добромислова обозначили как минимум два базовых подхода к определению границ Арктической зоны

¹ Arctic Monitoring and Assessment Programme // Arctic Oil and Gas 2007. – С. 17.

РФ – на основе природных границ, либо на основе выделения целостных природно-хозяйственных комплексов. При этом исследователи приводили аргументы в пользу второго подхода, поскольку первый подход был намного более затратным [10].

Сходной точки зрения придерживался и М.А. Жуков, утверждавший, что районирование страны необходимо в первую очередь для того, чтобы органы государственного управления могли функционировать в дифференцированном социально-экономическом пространстве при решении соответствующих задач (хотя в своей работе он упоминал еще ряд теоретически возможных подходов, к примеру, астрономического – основанного на линии Северного полярного круга и установлении тождества между понятиями «Арктика» и «Заполярье»; геоботанического районирования, физико-географического подхода, биоклиматического подхода, климатического подхода и т.д.; однако эти подходы не несут смысловой нагрузки с точки зрения экономики) [2].

Одним из основополагающих шагов российской руководства при выработке Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу стало законодательное определение и закрепление Указом Президента Российской Федерации от 02 мая 2014 года перечня сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации. Еще в 2013 году Президентом России была утверждена Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. В 2014 году, практически одновременно с перечнем территорий Арктической зоны РФ, появилась Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

Обновленная редакция Государственной программы по развитию Арктической зоны России, утвержденная в 2017 году, напрямую утверждает, что цель этой программы находится в совместном ведении не только Российской Федерации, но и тех ее субъектов, что полностью или частично относятся к арктическим территориям РФ, при этом именно таковые субъекты должны играть ключевую роль в проведении практических мероприятий для решения поставленных задач². В Программе был обозначен ряд приоритетов государственной политики субъектов РФ, чьи территории полностью или частично относятся к российской Арктике; в этот перечень вошли, в частности, такие задачи, как

разработка, регулярное обновление и практическая реализация собственных программ, направленных на решение задач федеральной арктической политики в данном арктическом регионе; при этом региональные документы в сфере развития арктических территорий должны быть строго увязаны с федеральной стратегической документацией. Это делает анализ соответствия целей, задач и мероприятий арктической политики на двух уровнях весьма актуальной исследовательской задачей. Целью настоящей работы является выявление несоответствий в арктической политике на федеральном и региональном уровнях на примере сопоставления стратегического видения развития нефтегазового сектора на арктических территориях Красноярского края. Для этого мы последовательно проследим эволюцию приоритетов развития нефтегазового сектора на арктических территориях Красноярского края в последовательно сменявшихся друг друга региональных стратегиях, а также степени соответствия приоритетов федеральной и региональной политики в этом вопросе.

Сопоставительный анализ эволюции приоритетов развития нефтегазового сектора в прошлых региональных стратегиях края

Хронологически первым региональным стратегическим документом, затрагивающим вопросы социально-экономического развития Красноярского края, стала не стратегия развития данного конкретного края, но Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года, принятая Правительством РФ в июне 2010 года³. Понятие «Сибирь» в данной Стратегии охватывало 12 регионов России, из которых лишь один – Красноярский край – четырем годами позже вошел и в перечень сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации, закрепленный Указом Президента Российской Федерации от 02 мая 2014 года (строго говоря, в Арктическую зону вошла не вся территория края, а лишь город Норильск, Таймырский и Долгано-Ненецкий муниципальные районы, а также Туруханский район).

Согласно Стратегии, территория Сибири делилась на три пояса; наибольший интерес для нас представляет Арктический пояс развития. Его составили северные и некоторые центральные территории Красноярского края, а также прилегающие к ним акватории и острова⁴. Добывающая промышленность (в том числе добыча нефти и газа), а также геолого-разведочные работы были упомянуты в

² Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Правительства от 21 апреля 2014 года № 366 (в редакции постановления от 31 августа 2017 года № 1064). – С. 40. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/29164/> (дата обращения 13.06.2019).

³ Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года [Электронный ресурс]: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 года № 1120-р (с изменениями на 26 декабря 2014 года). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902229380> (дата обращения 13.06.2019).

⁴ Там же. – Введение.

довольно обширном перечне приоритетных отраслей социально-экономического развития Сибири в 2010–2020 годах⁵. Среди приоритетов развития, относившихся именно к Арктическому поясу, наибольшее значение с точки зрения нефтегазового сектора имели интенсивная геологоразведка и освоение новых месторождений природных ресурсов; большое значение имели также перечисленные в общем порядке формирование промышленной, технологической и научной базы арктических территорий, а также обеспечение добывающего комплекса высококвалифицированной рабочей силой⁶.

Интересно отметить «двухуровневую» структуру Стратегии, при которой вначале детально рассматривались основные стратегические приоритеты социально-экономического развития каждого региона в отдельности (в том числе Красноярского края), а затем, в более общей перспективе, вписанной уже в канву международных интересов страны и ее позиционирования себя в геополитической архитектуре, на международных рынках и в системе глобальных связей и транспортных коридоров – приоритеты трех названных выше поясов.

Ключевыми приоритетами социально-экономического развития Красноярского края в 2010–2020 годах были объявлены освоение месторождений, развитие ТЭК с активным использованием инноваций и развитие научно-образовательной сферы. Относительно интересующего нас развития нефтегазового сектора именно в арктической части Красноярского края следует отметить освоение Ванкорской группы нефтегазовых месторождений.

Что же до сибирской Арктики в целом (включавшей, по сути, те же самые территории – север Красноярского края с прилегающими островами и акваториями), ее будущий образ формулировался весьма масштабно, в том числе предполагалось создание металлургического и нефтегазового комплексов нового поколения, предназначенных в первую очередь для освоения российских арктических шельфов и их энергоресурсов⁷. В условиях растущего международного интереса к арктическому региону, обладающему значительными запасами ценных ресурсов, стратегическим приоритетом освоения российской Арктики в 2010–2020 годах была объявлена разработка подходов к вовлечению в хозяйственную жизнь страны ресурсов арктических морей, полярных и приполярных районов Сибири⁸, а также интеграции добывающих предприя-

тий в этих районах в единое хозяйственно-экономическое пространство России.

В списке конкретных задач первые места занимают формирование Норильско-Турханского производственного комплекса, объединяющего предприятия металлургической и нефтегазовой отрасли (последние будут сосредоточены вокруг Ванкорского месторождения), а также Нижне-Енисейского (Игарка, Дудинка, Диксон) транспортно-логистического узла, который будет обеспечивать, в частности, транспортировку жидких углеводородов из Таймырской нефтегазовой области. Особое внимание уделяется Ванкорскому месторождению⁹.

В целом весь период реализации Стратегии применительно к Арктическому поясу рассматривался как время интенсивной геологоразведки арктического шельфа и подготовки к освоению ресурсов региона на новом технологическом базисе.

Таким образом, можно заключить, что основная роль сибирской Арктики в данной Стратегии заключалась в подготовке необходимых ресурсов, технологий и инфраструктуры к тому, чтобы эти территории смогли участвовать в решении одной из ключевых задач всей Стратегии в целом – опережающем воспроизводстве сырьевой базы – и полноценно реализовать свой углеводородный потенциал в период уже после 2020 года.

В ноябре 2012 года увидел свет проект самостоятельной Стратегии социально-экономического развития Красноярского края на период до 2020 года¹⁰ (который, правда, так и не был утвержден Правительством края и в законную силу не вступил; тем не менее, с исследовательской точки зрения этот документ представляет безусловный интерес). Стратегия была ориентирована на трансформацию всей экономической модели края путем изменения преимущественно сырьевой направленности региона в сторону индустриального развития (хотя в период до 2020 года предполагалось не осуществить смену модели, а лишь подготовить для нее «плацдарм»). Более того, край претендовал на роль «межрегионального производственно-транспортного «интегратора», укрепляющего систему межотраслевых и межрегиональных связей азиатской части России»¹¹.

Были разработаны два сценария развития края – умеренный и оптимистический; однако тот факт, что экзогенные параметры сценариев (а именно курс российского рубля к доллару и мировая цена на нефть марки Urals) были заданы супероптими-

⁵ Там же. – Раздел I. Стратегические направления развития и анализ конкурентных преимуществ Сибири.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – Раздел II. Приоритетные направления развития экономической специализации Сибири в территориальном разрезе. Арктический пояс развития.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Красноярского края на период до 2020 года [Электронный ресурс] : проект от 15.11.2012. – Красноярск, 2012. – Режим доступа: <http://econ.krskstate.ru/dat/File/11/Strategiya-15%2011%202012%20dlya%20publikatsii.pdf> (дата обращения 13.06.2019).

¹¹ Там же. – С. 5.

стично (в умеренном сценарии среднегодовой курс доллара США прогнозировался в размере 35,1 руб. за 1 доллар США на весь период до 2020 года, а цена на нефть должна была расти на 1% ежегодно и к 2020 году достичь 122 долларов за баррель; в оптимистическом сценарии аналогичные показатели составили 29,3 руб. за 1 доллар США и 173 доллара за баррель нефти Urals¹²), это лишает их всякой связи с сегодняшней реальностью (возможно, к моменту окончательной подготовки проекта Стратегии эти расхождения с реальностью стали настолько критически очевидными, что именно это послужило причиной того, что она так и не продвинулась дальше состояния проекта).

Тем не менее, рассмотрим, по каким магистральным направлениям предполагалось развивать нефтегазовый комплекс на арктических территориях Красноярского края (стоит отметить, что история его на этих землях относительно «молода»; весомый вклад в экономику края добыча нефти и газа начала вносить после начала промышленной эксплуатации Ванкорского месторождения в 2009 году). В проекте Стратегии предполагалось сформировать в крае два основных центра нефтегазовой промышленности, имеющих федеральное значение – Северо-Западный и Приангарский. Для нашего исследования представляет интерес Северо-Западный центр, расположенный на территории Туруханского и Таймырского районов (то есть в Арктической зоне Российской Федерации). Основу этого центра должны были составить такие нефтяные месторождения, как Ванкорское, Тагульское и Сузунское (с общим объемом извлекаемых ресурсов нефти более 780 млн. тонн), а также ряд газовых месторождений, в частности, Дерябинское, Мессояхское, Пеляткинское и Солёное (совокупный объем газа 860 млрд м³)¹³. Совокупные ресурсы месторождений Приангарского центра несколько превосходят запасы Северо-Западного центра, но не будут нами рассматриваться отдельно, поскольку находятся за пределами Арктической зоны РФ.

Интересно отметить «разделение специальностей» между центрами – газохимическую и газоперерабатывающую промышленность предполагалось развивать на базе Приангарского центра; к нему же в большей степени относились слова о выгодном местоположении относительно крупных азиатских потребителей нефти. Северо-Западный центр «отставал» по уровню инфраструктурной освоенности территории и находился на значительном удалении от крупных промышленных центров, что делало добычу здесь более «дорогостоящей».

Однако именно с этим центром, а конкретнее с

Ванкорским месторождением, связывался прогнозированный в проекте Стратегии рост объемов нефтедобычи. Промышленная добыча стартовала здесь летом 2009 года, в 2010 году было добыто 12,7 млн тонн нефти, в 2011 году – уже 15 млн тонн. В Стратегии планировалось, что быстрый рост объемов добычи продолжится и всего за двухлетний период, к 2013 году, Ванкорское месторождение предполагалось вывести на проектную «полку» – 25,5 млн тонн в год¹⁴. С помощью нефтепровода Пурпе-Самотлор предполагалось обеспечить поступление нефти Ванкорского месторождения (а в дальнейшем и других месторождений Северо-Западного центра) в трубопроводную систему Восточная Сибирь – Тихий океан.

Отметим, что эта цель не была выполнена полностью (хотя подойти к ней удалось довольно близко) из-за изменения модели освоения месторождения: максимальная добыча (22 млн тонн ежегодно) велась на Ванкоре лишь в течение двух лет – в 2014 и 2015 гг.; в 2016 году она снизилась до 20,7 млн т., а в 2017 последовало еще большее сокращение – до 17,6 млн т. [11] Однако для нефтедобывающей компании-разработчика месторождения (дочерней компании «НК «Роснефть») это снижение было запланированным. Уже в 2010 году, в самом начале функционирования месторождения, когда активно продолжалось его обустройство, было подготовлено 19 кустовых площадок для превращения месторождения в кластер и задействования в единой добычной системе не только Ванкорского, но и окружающих его менее крупных месторождений. С 2013 года компания учитывается уже не о Ванкорском месторождении, но о Ванкорском проекте с учетом кластера (который и составляли эти менее крупные месторождения, обеспечившие в совокупности значительный прирост запасов Ванкорского проекта). В настоящее время основными месторождениями кластера, помимо собственно Ванкорского, являются Сузунское, Тагульское и Лодочное месторождения [5]¹⁵.

Увеличение объемов газодобычи в регионе на первом этапе (до 2015 года) также предполагалось исключительно за счет добычи попутного газа на месторождениях Северо-Западного центра, в первую очередь Ванкорского. Дальнейшие перспективы газодобычи в крае были связаны с развитием газотранспортной системы в Восточной Сибири¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что в проекте Стратегии развитие арктической нефтегазовой отрасли играло значительную роль в экономике

¹² Там же. – С. 8.

¹³ Там же. – С. 13.

¹⁴ Там же. – С. 13-14.

¹⁵ Подробнее о структуре Ванкорского кластера и перспективах его развития см.: [1] [3].

¹⁶ Стратегия социально-экономического развития Красноярского края на период до 2020 года : проект от 15.11.2012. – С. 16.

края; вполне «традиционные» сложности, связанные с арктической добычей (неразвитость инфраструктуры, удаление от основных опорных центров) в определенной степени «балансируются» географической близостью к весьма перспективным потребителям красноярской нефти – странам АТР. Следует отметить также еще один момент – во всем проекте лишь 1 раз были упомянуты перспективы разработки арктического континентального шельфа; упоминалось также, что весьма перспективным в плане нефтедобычи может быть северо-восточная часть Таймыра, однако ее освоение откладывалось на неопределенный срок, поскольку требовало «дополнительного изучения»¹⁷. При этом задач по разведке ни частей шельфа, ни таймырских территорий в проекте Стратегии поставлено не было.

Анализ соответствий и несоответствий в федеральном и региональном стратегическом видении развития нефтегазового сектора на арктических территориях Красноярского края

Наконец, в июне 2014 года был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании»¹⁸, а несколькими месяцами позже распоряжение губернатора Красноярского края¹⁹ задало импульс разработке новой Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года²⁰, которая была принята Правительством края в 2018 году и является действующей на момент написания этих строк. Рассмотрим, какая роль отводится в ней развитию нефтегазового сектора на арктических территориях Красноярского края, и в чем отличие новых подходов от концепции, предлагавшейся в проекте 2012 года.

«Ядро» Стратегии не претерпело кардинальных изменений по сравнению с проектом 2012 года – оно по-прежнему видится составителям в отходе от сырьевой модели в сторону индустриального и инновационного развития края²¹. Применительно к добывающей промышленности этот вектор имеет вид идеи о важности развития в крае глубокой переработки добываемого сырья с целью повышения

добавленной стоимости производимой продукции. Новым акцентом в Стратегии в целом стало развитие экономики знаний.

В экономической сфере Стратегия ставила амбициозные цели ускоренного экономического роста (рост ВРП на 2–3,5% ежегодно в период до 2030 года); его предполагалось достичь в основном за счет промышленного комплекса, который к 2030 году должны был увеличить объем выпуска в 1,5–1,7 раза. Тремя базовыми его отраслями были названы цветная металлургия, энергетика и добыча углеводородов. При этом предполагалось, что «в 1,5–2 раза возрастет вклад края в общероссийскую добычу нефти, вклад в добычу газа сохранится на уровне не менее 1,7%, регион войдет в число основных российских поставщиков углеводородного сырья»²².

Для достижения амбициозных показателей было запланировано реализовать в нефтегазовом секторе края ряд крупных инвестиционных проектов, часть из которых относится именно к нефтегазовым месторождениям на арктических территориях края – в первую очередь, это дальнейшая разработка Ванкорского кластера, а также начало разработки месторождений Восточно-Таймырского нефтегазоносного блока. Если о Ванкорском кластере по сути не сказано ничего нового и конкретного, то второй пункт является безусловной новацией Стратегии по сравнению с проектом 2012 года, где он был лишь упомянут в качестве возможного вопроса отдаленного будущего. В настоящей же Стратегии уже более конкретно говорится о возможности активного освоения месторождений Восточно-Таймырского нефтегазоносного блока у побережья моря Лаптевых и в Хатангском заливе – однако это освоение полностью отнесено к периоду после 2025 года²³, хотя исследования перспективной нефтегазоносности данной территории ведутся в последние годы активно и дают обнадеживающие результаты [6, 7, 9, 12, 13].

Центры же газохимической и газоперерабатывающей промышленности по-прежнему предполагается развивать на базе Приангарского центра, лежащего за пределами Арктической зоны, что представляется вполне логичным в силу более или менее экстремальных природно-климатических условий и более развитой инфраструктуры.

Важно, что в Стратегии продуман целый ряд мер стимулирования базовых отраслей (в том числе нефтегазовой отрасли, хотя она и не выделяется отдельно). Среди них две меры представляются особенно важными для нефтегазовой отрасли: развитие системы подготовки высококвалифицированных трудовых ресурсов, в том числе создания

¹⁷ Там же. – С. 16.

¹⁸ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ: принят Государственной Думой 20 июня 2014 года: одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 года.

¹⁹ Об основных задачах в области обеспечения социально-экономического развития Красноярского края: распоряжение Губернатора Красноярского края от 24.11.2014 № 635-рг.

²⁰ Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Правительства Красноярского края от 30.10.2018 № 647-п. – Режим доступа: http://www.econ.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/11637_647_p.pdf (дата обращения 13.06.2019).

²¹ Там же. – С. 11.

²² Там же. – С. 77.

²³ Там же. – С. 82.

образовательно-производственных центров на базе взаимодействия образовательных учреждений и ведущих предприятий отраслей; а также ориентирование научных исследований, проводимых в крае, на решение задач базовых отраслей (в том числе нефтегазовой) и стимулирование инновационной деятельности в этих отраслях²⁴ – это может быть особенно важно для выработки подходов, техники и технологий для ведения деятельности по добыче углеводородов в арктических условиях, в том числе на арктическом континентальном шельфе (в более отдаленной временной перспективе предполагается освоение нефтегазовых месторождений на побережье Хатангского залива, что потребует соответствующих технологий и инфраструктуры; также в дальнейшем, после завершения тщательной разведки и формирования промышленных запасов, предполагается добыча на шельфе моря Лаптевых²⁵).

Представляется весьма важным пункт, касающийся усиления связей базовых отраслей (в том числе нефтегазовой) с другими отраслями экономики края, такими как машиностроение, строительство, транспорт и т.д. Здесь просматривается прямая связь с обновленной редакцией госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», где в качестве рисков отмечалась высокая зависимость нефтегазовой отрасли от импорта техники и технологий, и потому одним из ключевых результатов госпрограммы является организация собственного производства высокотехнологичной продукции, способной удовлетворять потребности геологоразведки, добычи и переработки углеводородов в Арктической зоне Российской Федерации²⁶.

В попытках минимизации этого риска, как нам представляется, Красноярский край продвинулся пока дальше всех арктических регионов (как минимум на уровне замысла), о чем свидетельствует пункт 4.2.6. Стратегии под названием «Сектор оборудования, технологий и услуг для добывающих отраслей». Само выделение такого приоритета отличает эту красноярскую Стратегию от многих других аналогичных документов арктических регионов России. В этом пункте делался акцент на том, что наиболее тесно сопряженной с нефтегазовым сектором отраслью в современных условиях является не только сервисное машиностроение, но целый комплекс отраслей, создающих оборудование, тех-

нологии и услуги для добывающего сегмента нефтегазового сектора. К «первичной», базовой продукции этого комплекса отраслей можно отнести, к примеру, изготовление расходных материалов, деталей и комплектующих, техническое обслуживание добычного и вспомогательного оборудования (и его ремонт при необходимости) и т.д. Однако стратегические интересы развития нефтегазового сектора в регионе требуют отработки и внедрения инновационных высокотехнологичных решений в области нефтедобычи (в качестве одного из примеров таковых в Стратегии приводились технологии добычи отработанных скважин)²⁷.

Отмечалось, что развитие этого направления (разработка оборудования, технологий и услуг для добывающих отраслей региона) может стать «локомотивом» развития не только нефтегазовой отрасли, но и края в целом. Однако указывалось (совершенно справедливо) на необходимость активного скоординированного участия представителей РОИВ, крупных нефтегазовых компаний, а также профильных НИИ для успешного развития данного направления²⁸.

Результаты

Стратегии социально-экономического развития большинства регионов зачастую оказываются не вполне скоординированы с федеральным законодательством в области развития российской Арктики. Даже действующие версии этих Стратегий, зачастую принятые уже после утверждения Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 20.02.2013 года Стратегии и развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года²⁹, порой не полностью отражают суть ее основных задач (в области развития арктического нефтегазового сектора).

На этом фоне можно сделать вывод, что в отношении развития арктического нефтегазового сектора текущая Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года является достаточно сбалансированной и учитывает основные приоритеты арктической политики России на ее современном этапе. Здесь уделяется внимание разработке действующих месторождений, и в рамках Северо-Западного (арктического) центра были определены месторождения, которые можно будет

²⁴ Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года. – С. 85.

²⁵ Там же. – С. 180.

²⁶ О новой редакции государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 31.08.2017 г. № 1064. – С. 21. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/29164/> (дата обращения 13.06.2019).

²⁷ Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года. С. 96-97.

²⁸ Там же.

²⁹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. №366 – Режим доступа: URL: <http://government.ru/programs/236/about/> (дата обращения 13.06.2019).

задействовать, когда добыча из основного Ванкорского месторождения пойдет на убыль. Не выделены отдельным пунктом, но присутствуют задачи по разведке и формированию промышленных запасов на арктическом континентальном шельфе (Хатангский залив, Карское море, море Лаптевых). Однако самое важное – сформулирована отдельным пунктом задача по созданию комплекса высокотехнологичных отраслей, обслуживающих сектор добычи. Определенное беспокойство вызывает лишь отсутствие каких-либо целевых индикаторов, связанных с развитием этого комплекса (равно как и нефтегазового сектора в принципе) и отсутствие четкого плана его формирования и развития. Остается лишь надеяться, что дорожная карта по созданию такого комплекса будет разработана и успешно выполнена, что позволит Красноярскому краю существенно продвинуться в решении одной из самых насущных задач по освоению нефтяных и газовых богатств Арктической зоны РФ.

Заключение и практические рекомендации

Следует отметить необходимость усиления координации Красноярского края с крупнейшими нефтегазодобывающими компаниями, ведущими работу на его территории, в вопросах планирования освоения отдельных месторождений, а также геологоразведки и освоения отдельных участков шельфа. Планы таких компаний по разведке и разработке участков арктических территорий и/или акваторий зачастую меняются и осуществляются вне зависимости от планов региональных стратегий и определяются, по всей видимости, в первую очередь соображениями экономической целесообразности (а также влиянием геополитических факторов, которые могут стремительно изменяться – и почти столь же быстро меняются планы компаний по освоению арктических углеводородов). Так, в Красноярской стратегии освоение нефтегазовых месторождений на побережье Хатангского залива и в море Лаптевых предполагается лишь в отдаленной перспективе, но в реальности благодаря деятельности ПАО «НК «Роснефть» первое месторождение в Хатангском заливе было поставлено на баланс уже в октябре 2017 года [8].

Отчасти эта проблема возникает из-за неустраиваемой рассинхронизации процессов – планы крупных нефтегазодобывающих компаний, как мы уже упоминали выше, зависящие от массы факторов (экономической целесообразности, геополитической обстановкой, проприетарным технологическим фронтиром), могут меняться и осуществляться значительно быстрее, чем пишутся, обсуждаются и утверждаются региональные стратегии. Из этого можно сделать вывод, что целесообразно изменить не вполне корректный алгоритм действий (который, впрочем, соблюдается лишь формально, а порой отсутствует даже видимость следования ему) – не регион в стратегии развития определяет приоритеты, а нефтегазодобывающая компания следует им (порой уже устаревшим к моменту вступления стратегии в силу после долгого процесса разработки и внесения корректив), но регион активно участвует в разработке планов нефтедобывающей компании, причем не разово, а с определенной периодичностью, чтобы своевременно координировать планы в случае изменения приоритетов/порядка разведки и освоения нефтегазовых запасов края.

Задача региона в данном случае двойственна: с точки зрения развития арктического нефтегазового сектора укрепление связи между компанией и регионом будет способствовать более быстрому решению вопросов на местах, более высоком приоритете потребностей – в первую очередь, инфраструктурных, но также строительных, кадровых, потребностей технического обеспечения и многих иных – конкретного проекта по освоению углеводородов арктической территории и/или акватории региона в самом регионе, что будет содействовать их более быстрому решению. С точки же зрения самого региона, его задача будет заключаться в выстраивании как можно более плотной массы связей между арктическим нефтегазовым сектором (и его конкретными проектами, реализуемыми в регионе или на прилегающих к нему частях шельфа) и другими секторами региональной экономики, которая позволит повысить встроенность проекта в хозяйственную жизнь региона и тем самым стараться максимизировать прямые и косвенные выгоды для региона от реализации проекта.

Литература

1. Житков В. Г. Новые данные по структуре района Ванкорского газонефтяного месторождения / В. Г. Житков, А. А. Поцелуев, Ю. С. Ананьев, В. А. Кригин // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2016. – Т. 327. – №. 4. – С. 44-54.
2. Жуков М. А. Методологические и методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2014. – №. 1 (2). – С. 4-20.
3. Котомин А. Б. Ванкорский кластер: развитие нефтедобычи и трубопроводного транспорта нефти в Восточной Арктике // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2015. – Т. 18. – №. 3. – С. 428-433.
4. Лагутина М. Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. – 2015. – №. 2 (19). – С. 16-21.

5. ООО «РН-Ванкор». История [Электронный ресурс] / Роснефть. – Режим доступа: https://vankorneft.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razrabotka/Vostochnaja_Sibir/vankorneft/ (дата обращения 13.06.2019).
6. Пронкин А. П. Новые данные о геологическом строении и возможной нефтегазоносности зон сочленения Западно-Сибирской и Сибирской платформ со складчатым Таймыром / А. П. Пронкин, В. И. Савченко, П. А. Хлебников, В. А. Эрнст, Ю. А. Филиппов, А. П. Афанасенков, А. С. Ефимов, А. В. Ступакова, С. И. Бордунов, А. А. Суслова, Р. С. Сауткин, Т. А. Глухова, К. А. Перетолчин // Геология нефти и газа. – 2012. – № 1. – С. 30-44.
7. Пронкин А. П. Новые данные о геологическом строении и нефтегазоносности Хатангской мезовпадины и сопредельной акватории моря Лаптевых / А. П. Пронкин, В. И. Савченко, А. В. Ступакова, Ю. А. Филиппов, Б. В. Шумский, В. М. Юбко, К. А. Перетолчин, С. В. Прокопцева // Природные ресурсы Красноярского края. – 2014. – № 23. – С. 57-62.
8. Роснефть – первооткрыватель месторождений углеводородов на шельфе Восточной Арктики [Электронный ресурс] // Роснефть. – Дата обновления 18.06.2017. – Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/186987/> (дата обращения 13.06.2019).
9. Савченко В. И., Ступакова А. В., Перетолчин К. А. О перспективах наличия крупных месторождений нефти и газа на Восточном Таймыре // Георесурсы. – 2017. – №. Спецвыпуск ч. 2. – С. 186-193.
10. Смирнова О. О., Добромислова В. Ю. Некоторые вопросы государственной политики России в Арктической зоне // ЭКО. – 2010. – №. 12. – С. 76-91.
11. Старинская Г. Добыча на Ванкорском месторождении «Роснефти» упала на 15% [Электронный ресурс] // Ведомости. – Дата обновления 09.01.2018. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/09/747198-dobicha-vankorskom-mestorozhdenii> (дата обращения 13.06.2019).
12. Ступакова А. В. Новые направления поисково-разведочных работ на нефть и газ / А. В. Ступакова, С. В. Фролов, Т. А. Кирюхина, А. А. Суслова, Р. С. Сауткин // Газовая промышленность. – 2014. – Т. 714. № 11. – С.29-33.
13. Фролов С. В. Углеводородные системы и перспективы нефтегазоносности анабаро-ленского прогиба / С. В. Фролов, Н. И. Коробова, Е. А. Бакай, Н. С. Курдина // Георесурсы. – 2017. – Спецвыпуск ч. 2. – С. 173-185.
14. Fioramonti L. Regions and Crises: new challenges for contemporary regionalisms. – Springer, 2012. 242 p.
15. Frankel J. A. (ed.). The regionalization of the world economy. – University of Chicago Press, 2007. 296 p.
16. Kacowicz A. M. Regionalization, globalization, and nationalism: Convergent, divergent, or overlapping? // Alternatives. – 1999. – T. 24. – Vol. 4. – pp. 527-556.
17. Krickovic A. All politics is regional: Emerging powers and the regionalization of global governance // Global Governance. – 2015. – T. 21. – 557p.
18. Perkmann M., Sum N. L. Globalization, regionalization and cross-border regions: scales, discourses and governance // Globalization, regionalization and cross-border regions. – London: Palgrave Macmillan, 2002. – pp. 3-21.
19. Schunz S., Gstöhl S., Van Langenhove L. Between cooperation and competition: major powers in shared neighbourhoods // Contemporary Politics. – 2018. – T. 24. – Vol. 1. – pp. 1-13.
20. Shaw T. M. Comparative regionalisms for development in the 21st century: Insights from the global south. – Routledge, 2016. 294 p.
21. Telò M. Regionalism in Hard Times: Competitive and post-liberal trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas. – Routledge, 2016. 86 P.
22. Van Langenhove L. Why we need to ‘unpack’ regions to compare them more effectively // The International Spectator. – 2012. – T. 47. – Vol. 1. – pp. 16-29.
23. Van Langenhove L. What is a region? Towards a statehood theory of regions // Contemporary Politics. – 2013. – T. 19. – Vol. 4. – C. 474-490.
24. Van Langenhove L. The unity and diversity in regional integration studies // Georgetown Journal of International Affairs. – 2013. – C. 19-28.
25. Van Langenhove L. Building regions: the regionalization of the world order. – Routledge, 2016.

References

1. Zhitkov, V.G., Poceluev, A.A., Anan'ev, Yu.S., Krinin, V.A. (2016) [New Data on the Structure of the Vankor Gas and Oil Field]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov* [News of Tomsk Polytechnic University. Georesource engineering]. Vol. 327, No. 4. pp. 44-51. (In Russ.)
2. Zhukov, M.A. (2014) [Methodological and Methodical Problems of the Allocation of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. [Arctic XXI century. Humanitarian sciences]. Vol. 1 (2), pp. 4-20. (In Russ.)

3. Kotomin, A.B. (2015) [Vankor Cluster: Development of Oil Production and Pipeline Transportation of Oil in the Eastern Arctic]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Murmansk State Technical University]. Vol. 18, No 3, pp. 428-433. (In Russ.)
4. Lagutina, M.L. (2015) [Global Region as an Element of the World Political System of the XXI Century]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics]. Vol. 2 (19), pp. 16-21. (In Russ.)
5. LLC RN-Vankor (2017). History. Available at: https://vankorneft.rosneft.ru/about/Glance/Operational-Structure/Dobicha_i_razrabotka/Vostochnaja_Sibir/vankorneft/ (accessed 13.06.2019) (In Russ.)
6. Pronkin, A.P., Savchenko, V.I., Stupakova, A.V., Filipcov, Yu.A., Shumskij, B.V., Yubko, V.M., Peretolchin, K.A., Prokopceva, S.V. (2014) [New Data on the Geological Structure and Oil and Gas Potential of the Khatanga Meso-dip and the Adjacent Waters of the Laptev Sea]. *Prirodnye resursy Krasnoyarskogo kraya* [Natural Resources of Krasnoyarsk Krai]. Vol. 23, pp. 57-62. (In Russ.)
7. Pronkin, A.P., Savchenko, V.I., Khlebnikov, P.A., Ernst, V.A., Filipcov, Yu.A., Afanasenkov, A.P., Efimov, A.S., Stupakova, A.V., Bordunov, S.I., Suslova, A.A., Sautkin, R.S., Glukhova, T.A., Peretolchin, K.A. (2012) [New Data on the Geological Structure and Possible Oil and Gas Potential of the Junction Zones of the West Siberian and Siberian Platforms with the Folded Taimyr]. *Geologiyaneftigaza*. [Geology of Oil and Gas]. Vol. 1, pp. 30-44. (In Russ.)
8. "Rosneft" - Discoverer of Hydrocarbon Deposits on the Shelf of the Eastern Arctic. (2017). Rosneft official site. Jun 18. Available at: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/186987/> (accessed 13.06.2019) (In Russ.)
9. Savchenko, V.I., Stupakova, A.V., Peretolchin, K.A. (2017) [On the Prospects for the Presence of Large Oil and Gas Fields in East Taimyr]. *Georesursy* [Georesources]. Special Issue pt. 2, pp. 186-193. (In Russ.)
10. Smirnova, O.O., Dobromyslova, V.Yu. (2010) [Some Questions of Russian State Policy in the Arctic Zone]. *EKO. [ECO]*. Vol.12, pp. 76-91. (In Russ.)
11. Starinskaya, G. (2018) [Production at the Vankor Field of Rosneft Fell by 15%]. *Vedomosti* [Statements]. Jan 9. Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/09/747198-dobicha-vankorskoy-mestorozhdenii> (accessed 13.06.2019) (In Russ.)
12. Stupakova, A.V., Frolov, S.V., Kiryukhina, T.A., Suslova, A.A., Sautkin, R.S. (2014) [New Directions Exploration for Oil and Gas]. *Gazovaya promyshlennost'* [Gas industry]. Vol. 714, No 11, pp. 29-33. (In Russ.)
13. Frolov, S.V., Korobova, N.I., Bakaj, E.A., Kurdina, N.S. (2017) [Hydrocarbon Systems and Oil and Gas Potential of the Anabar-Lena Deflection]. *Georesursy* [Georesources]. Special Issue pt. 2, pp. 173-185. (In Russ.)
14. Fioramonti, L. (2012) Regions and Crises: new challenges for contemporary regionalisms. Springer, 242 p.
15. Frankel, J.A. (ed.) (2007) The regionalization of the world economy. *Chicago: University of Chicago Press*, 296 p. (In Eng.)
16. Kacowicz, A.M. (1999) Regionalization, globalization, and nationalism: Convergent, divergent, or overlapping? *Alternatives*. Vol. 24, No. 4, pp. 527-556. (In Eng.)
17. Krickovic, A. (2015) All politics is regional: Emerging powers and the regionalization of global governance. *Global Governance*. Vol. 21, pp. 557. (In Eng.)
18. Perkmann, M., Sum, N. L. (2002) Globalization, regionalization and cross-border regions: scales, discourses and governance. In: Globalization, regionalization and cross-border regions. *London: Palgrave Macmillan*, pp. 3-21. (In Eng.)
19. Schunz, S., Gstöhl, S., Van Langenhove, L. (2018) Between cooperation and competition: major powers in shared neighbourhoods. *Contemporary Politics*. Vol. 24, No. 1, pp 1-13. (In Eng.)
20. Shaw, T.M. (2016) Comparative regionalisms for development in the 21st century: Insights from the global south. *Routledge*, 294 p.
21. Telò, M. (2016) Regionalism in Hard Times: Competitive and post-liberal trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas. *Routledge*, 86 p.
22. Van Langenhove, L. (2012) Why we need to 'unpack' regions to compare them more effectively. *The International Spectator*. Vol. 47, No.1, pp. 16-29. (In Eng.)
23. Van Langenhove, L. (2013) What is a region? Towards a statehood theory of regions. *Contemporary Politics*. Vol. 19, No.4, pp. 474-490. (In Eng.)
24. Van Langenhove, L. (2013) The unity and diversity in regional integration studies. *Georgetown Journal of International Affairs*, pp. 19-28. (In Eng.)
25. Van Langenhove, L. (2016) Building regions: the regionalization of the world order. *Routledge*, 198 p.

Информация об авторе:

Алексей Геннадьевич Казанин, кандидат технических наук, директор московского филиала ОАО «Морская арктическая геологоразведочная экспедиция», **ORCID ID** 0000-0003-2526-8786, Московский

филиал ОАО «Морская арктическая геологоразведочная экспедиция», Москва, Россия
e-mail: kazaning@mage.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2019; принята в печать 31.07.2019.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Aleksey Gennadievich Kazanin, candidate of technical Sciences, Director of the Moscow branch of JSC «Marine Arctic exploration expedition», **ORCID ID:** 0000-0003-2526-8786, Moscow branch of JSC «Marine Arctic exploration expedition», Moscow, Russia
e-mail: kazaning@mage.ru

The paper was submitted: 19.02.2019
Accepted for publication: 31.07.2019.
The author has read and approved the final manuscript.